

Глава одиннадцатая. Тревожные вести Линь Хая

Дайюй понятия не имела, какие думы занимали Сяо Чжюаня. Все её мысли были устремлены лишь на то, чтобы поскорее выбраться наружу; она живо помнила всякие забавные безделушки и лакомства, которые тот приносил ей прежде.

— Ну же, третий брат, пойдём скорее! — нетерпеливо торопила она его.

Чжюань лишь улыбнулся в ответ — разве мог он не заметить её нетерпения? Хоть нынешняя Дайюй и лишилась матери, любовь отца уберегла её от горькой участи. Её не отправили к Цзя, да и он сам теперь был рядом. Ей незачем было расти робкой и пугливой, как в прежнем сюжете; в конце концов, сейчас она жила в родном доме, а не из милости под чужим кровом.

Сяо Чжюань далеко не был обычным ребёнком. Будучи натурой осмотрительной, он основательно подготовился к прогулке с Юй-эр. Служанок брать не стал, но прихватил с собой нескольких верных слуг из своей свиты. Впрочем, слугами те звались лишь для вида — на деле же каждый владел боевыми искусствами и в случае нужды мог защитить господ. Разумеется, взял он и человека из семьи Линь — Линь Жуна, сына здешнего дворецкого Линь Чэна.

Стоило Сяо Чжюаню увести Дайюй со двора, как Линь Хаю тут же донесли об этом. Тот лишь велел Линь Чэну тайно отправить вслед за ними ещё несколько человек охраны. Чжюань заранее предупредил его о своём намерении вывести Юй-эр в свет, чтобы та развеялась и поправила здоровье, так что Линь Хай не имел причин возражать. Напротив, этот поступок лишь укрепил его и без того доброе мнение о юноше: тот держал себя как истинный старший брат.

Линь Хай ни на миг не усомнился в чистоте намерений молодого человека. Тому было две причины. Во-первых, Дайюй была совсем ещё дитя, да и самому Сяо Чжюаню едва исполнилось десять — какие корыстные помыслы могли зародиться в столь юных головах? Во-вторых, Чжюань умел держать себя перед хозяином дома с безупречной почтительностью; в присутствии Линь Хая он выказывал Дайюй лишь самое благопристойное, братское внимание, ни на волос не нарушая приличий. Разумеется, заподозрить его в чём-либо было невозможно.

Отослав слугу с докладом, Линь Хай устроился в кабинете с книгой в руках, наслаждаясь редким часом уединения. Однако покой длился недолго — вскоре к нему пожаловал Гу И.

Поднявшись навстречу гостю, Линь Хай с улыбкой промолвил:

— Разве ты не собирался сегодня навестить приятелей? Что-то ты рано воротился.

Гу И небрежно опустился в кресло.

— Скучные посиделки литераторов, пустая болтовня да славословия, — отмахнулся он. — Тоска

смертная! Куда приятнее учить Юй-эр. Я вот только с порога, а мне говорят, что Чжиюань увёл девочку гулять. И как только ты отпустил её со спокойной душой?

Глядя на непринуждённые манеры Гу И, Линь Хай негромко рассмеялся — приятель ничуть не изменился, всё такой же вольный духом.

— Отчего же мне тревожиться? Твой племянник — малый не промах. Признаться, я даже завидую маркизу Тунъаню: вырастить такого сына! В будущем его наверняка ждёт блестящая служба при дворе.

— Эх, нашёлся бы кто-то, способный умирить его пыл, — вздохнул в ответ Гу И, и в его голосе сквозь благодарность за похвалу проскользнула тревога. — Мальчишка чересчур смыслённый для своих лет. Как бы эта ранняя мудрость не втянула его в будущем в опасные придворные распри.

Линь Хай замер на мгновение, уловив в словах друга странный подтекст. Но Гу И, спохватившись, тут же перевёл всё в шутку:

— Ну да ладно мне попусту сокрушаться. У меня ведь для тебя хорошие вести. Пришло письмо из столицы — наши гости уже на подходе.

Решив не расспрашивать о прежнем, Линь Хай просветлел лицом:

— Вот уж и правда благая весть! Премного благодарен тебе, Цыгу. И передай мою нижайшую признательность старшей принцессе.

Однако Гу И лишь отмахнулся:

— Судя по словам матушки, сама она и пальцем о палец не ударила. Всем заправлял мой старший брат, уж не знаю, с какой стати он проявил такое рвение.

Линь Хай слегка нахмурился. Он, разумеется, знал Гу Цяня — наследника маркиза Уяна и командующего пехотой и конницей пяти округов. Кое-какое знакомство у них водилось.

«Но сам я уже много лет не показывался в столице, — размышлял он. — Зачем же командующему проявлять столь неожиданное и горячее радушие?»

Впрочем, он тут же вернул лицу безмятежное выражение и лишь спросил:

— И сколько же наставниц прибудет? Мне нужно загодя всё подготовить.

Гу И не заметил мимолётного замешательства хозяина дома — все его думы были заняты суровым братом. В знатных семьях младшие сыновья почти всегда трепетали перед старшими, тем более что его брат с самого детства служил ему немым укором — до крайности степенный и благонравный.

При вопросе Линь Хая Гу И хлопнул себя по лбу:

— Ах да, чуть не забыл! Прибудут четыре почтенные матушки. Настоящие дворцовые чинницы. Та, что поставлена во главе, как сказывают, пользуется особым благоволением самого императора и носит пятый чиновничий ранг. Остальные три — седьмого ранга.

Линь Хай оторопел:

— Как? Стало быть, это не ушедшие на покой почтенные вдовы, а действующие дворцовые наставницы?

Гу И и сам только сейчас до конца осознал смысл написанного. Почесав затылок, он озадаченно взглянул на друга:

— В письме вроде бы именно так и сказано... Думаешь, на то была воля государя? Впрочем, чего тебе тревожиться? Ты верой и правдой стережёшь для Его Величества соляные доходы Юга, а подле тебя осталась единственная дочь. Вполне естественно, что император решил явить тебе монаршую милость.

Линь Хай погрузился в глубокое раздумье. Даже если бы государь пожелал излить на него свою щедрость, он вряд ли прислал бы чинницу пятого ранга. По законам династии, дворцовые наставницы и женские чины не могли подняться выше пятого ранга — то есть присылаемая особа достигла самого верха придворной иерархии и пользовалась безграничным доверием в покоях владык. Обычно служанок отпускали из дворца по достижении двадцати пяти лет, однако некоторые по своей воле или в силу иных причин оставались при дворе, становясь управительницами или наставницами по этикету для новоприбывших девиц. Но и они в большинстве своём не имели официальных чинов. Лишь самым удачливым, служившим высокородным господам, жаловали седьмой ранг. Именно на таких наставниц Линь Хай изначально и рассчитывал.

Если же к Юй-эр едет особа пятого ранга, то её вес при дворе огромен, и для будущего девочки это великое благо.

«Но не приложил ли к этому руку совсем иной человек? — закралось подозрение в его душу. — Князь Сыту Жуй?»

Не замечая душевного смятения своего визави, Гу И беззаботно продолжал:

— Да чего гадать, приедут — сами всё увидим. Мой старший брат слов на ветер не бросает, халтуру не подсунет. Наверняка все они женщины почтенные и строгих правил.

Линь Хай вымученно улыбнулся и постарался выкинуть эти мысли из головы. Гости ещё в пути, и, возможно, он просто излишне тревожится на пустом месте. За неимением других дел друзья расставили шахматную доску. Линь Хай старался не выдавать своего волнения, но растревоженные думы брали своё: он проиграл несколько партий подряд, чем немало изумил обычно уступавшего ему Гу И.

Тем временем Сяо Чжияуань и Дайюй уже всю разгуливали по самым оживлённым торговым рядам Янчжоу. Малышка Дайюй, отродясь не выдавшая подобного шумного многолюдства, во все глаза глазела по сторонам, едва поспевая крутить головой. Чжияуань лишь ласково улыбался, глядя на её ребяческий восторг. Он твёрдо верил: если его Юй-эр будет пребывать в таком благостном расположении духа изо дня в день, никакие недуги к ней не пристанут. И уж точно он не позволит какому-то там праздному камню посягнуть на её покой.

«Омывать слезами? — Сяо Чжияуань знать не желал об этом нелепом предопределении. — Раз уж Небо дозволило мне переродиться в этом мире, то, верно, само благословило меня переписать чужую предначертанную судьбу».

Всё вокруг казалось маленькой Дайюй в диковинку. Она то и дело дёргала Сяо Чжияуаня за руку, осыпая его бесконечными вопросами, от которых у бедного мальчика на лбу проступала испарина. Но он послушно и терпеливо отвечал, не смея выказать и тени досады. Следовавшие поодаль слуги, коих маркиз Тунъань лично отобрал для охраны сына, привыкли видеть своего юного господина не по годам степенным и хладнокровным стратегом. Наблюдая, как малолетняя барышня вьёт из него верёвки, они едва сдерживали смехи.

Чжияуань отлично понимал, что его авторитету невозмутимого мудреца в глазах челяди пришёл конец, но ради лучезарной улыбки Дайюй он готов был снести и не такое.

Особенное любопытство у Дайюй вызывали лоточники со всякой всячиной. Из-за слабого здоровья уличная снедь её мало прельщала, зато диковинные безделушки, сплетённые из бамбуковых лычек, и расписные глиняные фигурки привели её в неописуемый восторг. Отыскав приглянувшуюся лавочку, она принялась с увлечением перебирать товар.

На глаза ей попался изящный письменный прибор, вырезанный из причудливого корня. Дайюй бережно взяла его в руки, любясь тонкой работой.

— Если приглянулся, бери, не стесняйся, — ободряюще улыбнулся Чжияуань.

— Этот я подарю патушке, — радостно отозвалась Дайюй. — А теперь нужно выбрать что-нибудь для учителя. Как думаешь, третий брат, какой подарок придётся ему по душе?

Видя, что даже во время прогулки Дайюй в первую очередь печётся о гостинцах для отца и учителя, Сяо Чжиюань на миг ощутил укол лёгкой ревности.

«Интересно, — подумал он, — когда же и мне перепадёт от неё подарок?»

Но тень мимолётной обиды тут же растаяла, и он с жаром принялся помогать сестрице отбирать самые искусные поделки. Лавочник, оказавшийся малым сметливым, мигом смекнул по дорожному платью и осанке детей, что перед ним отпрыски знатных родов. Он тут же рассыпался в любезностях и вытащил из закровов свои лучшие припрятанные товары.

Когда Дайюй наконец уgomонилась, перед ними красовалась изрядная горка покупок. Посмотрев на добрую дюжину всяких забавных мелочей, девочка смущённо и виновато взглянула на Чжиюаня.

Чжиюань ласково потрепал её по макушке:

— Главное, чтобы тебе было в радость, Юй-эр. Там впереди есть отличная чайная, подают отменные сласти. Давай зайдём туда и передохнём немного?

Дайюй согласно кивнула, а Чжиюань сделал знак слуге, чтобы тот расплатился с торговцем и уложил покупки.

Однако не успели они пройти и нескольких шагов, как с улицы донёлся яростный шум и брань. Сяо Чжиюань недовольно нахмурился. Дайюй робко потянула его за край рукава:

— Третий брат, что там происходит?

— Не бойся, Юй-эр, — успокоил её Чжиюань. — Сейчас разузнаем.

Он кивнул одному из сопровождавших их парней, и тот быстро скользнул в толпу.

Вернувшись через пару минут, слуга доложил, что какой-то разгневанный отец на чём свет стоит костерит и поколачивает родную дочь.

Личико Дайюй омрачилось гневом:

— Третий брат, как же так можно? Что бы ни совершила бедная девочка, разве пристойно отцу устраивать над ней такой самосуд посреди улицы? Пойдём посмотрим!

Поначалу Чжиюань не хотел пускать сестрицу туда, боясь, что дикое зрелище напугает её, но, видя её решимость, препятствовать не стал. Лишь крепче сжал её ладошку и предупредил:

— Только уговор, Юй-эр: сама в драку не лезь и близко не подходи. Предоставь всё мне.

Дайюй послушно кивнула.

Пробившись сквозь кольцо зевак, они увидели гнусную картину. Мужчина с повадками пронырливого вора нещадно избивал маленькую девочку. На вид ей было не больше восьми-девяти лет — едва ли старше самой Дайюй. Бедняжка каталась по пыльной мостовой, пытаясь уклониться от ударов, и истошно плакала. Вид её исхудалого лица надрывал сердце.

— Разнимите их! — немедленно скомандовал Чжюань своим людям.

Дочь благородного семейства, взлелеянная в тишине уединённых покоев, Дайюй никогда прежде не сталкивалась с подобной жестокостью. Глаза её наполнились слезами сострадания. Она умоляюще посмотрела на Чжюаня, безмолвно прося защитить несчастную. Тот ободряюще пожал её ладонь, безмолвно велел успокоиться и довериться ему.

Избивавший девочку грубиян никак не ожидал отпора. Оказавшись в тисках дюжих слуг, он заверещал на всю улицу:

— Свои семейные дела решаю! Кому какое дело, как я девку свою учу?!

Чжюань лишь брезгливо усмехнулся:

— Твои дела? Творить непотребство посреди людной площади — это, по-твоему, семейное дело? Похоже, ты совсем забыл, что над нами есть закон и управа.

Телохранители Сяо Чжюаня, не прикладывая особых усилий, в два счёта скрутили дебошира и заставили его прикусить язык. Поняв, что сила не на его стороне, мерзавец поутих. Окинув взглядом холёного мальчика в дорогих шелках, он смекнул, что перед ним важный барчук, и угодливо заискивающе заулыбался:

— Виноват, благородный господин, бес попутал! Не серчайте на глупого человека. Я сейчас же заберу дочку и уберусь восвояси, глаз мозолить не буду.

С этими словами он грубо рванул девочку за руку, намереваясь уволочь её прочь. Сердце Дайюй сжалось от дурного предчувствия — она понимала, что без чужого заступничества несчастную дома забьют до полусмерти. Она отчаянно потянула Чжюаня за рукав.

Тот и сам чувствовал, как заходит в тупик. В нынешний век родительская власть над детьми была безгранична: отец волен был карать своё чадо как вздумается, и, покуда дело не доходило до убийства, власти умывали руки. Однако отказать Дайюй в её первом искреннем порыве милосердия он не мог.

«Что ж, — решил он про себя, — в крайнем случае выкуплю её у этого негодяя, пусть служит у Юй-эр служанкой».

Но не успел он произнести ни слова, как плачущая навзрыд девочка вдруг рванулась из рук мучителя. С невиданной силой она высвободила запястье и бросилась на колени прямо перед Дайюй и Чжюанем.

— Господа, умоляю, спасите! — закричала она, захлёбываясь слезами. — Не отец он мне вовсе! Он украл меня! Похитил! Спасите, ради всего святого!

Лицо мужчины мгновенно исказилось от страха и злобы.

— Какую чушь ты несёшь, тварь неблагодарная! — взревел он, пытаясь силой зажать ей рот и утащить в подворотню. — А ну живо домой!

<http://bllate.org/book/18189/1752693>